

УДК 398.2(=511:143)

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-373-382

Понятие «мать» в мировоззрении и фольклоре северных манси

С. А. Попова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
rusina-popova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются особенности понятия «мать» в традиционном мировоззрении локальной (вернесосьвинской) группы северных манси (бассейн р. Ляпин и Северной Сосьвы). В культуре манси личность матери выделяется не столько многообразием функций (её ограничивает основное предназначение женщины как подательницы жизни), сколько концептуальным разнообразием родительских, социальных и общественных начал. Представления о матери относятся к интимной сфере отношений, поэтому многие темы, касающиеся темы «матери и материнства» до сих пор остаются табуированными. Данное обстоятельство оказало влияние на формирование источниковой базы исследования.

Различные аспекты понятия «мать», анализируемые на языковом материале, раскрывают первоначальный (биологический, репродуктивный), а также общественный и социальный статусы женщины-матери в мансийском обществе.

Цель: раскрыть многоаспектность понятия «мать» в традиционной культуре манси с позиции когнитивной антропологии и лингвистики.

Материалы исследования: материалы по истории, этнографии, фольклору и лингвистике манси, а также полевые материалы автора.

Результаты и научная новизна. При исследовании понятия «мать» в традиционной культуре манси было выявлено многообразие свойств и образов, имеющих связь с женской репродуктивной сферой (материнство); божественными покровителями (мифология, религиозные представления). Отмечена взаимосвязь форм социальной жизни с когнитивными и нормативными её компонентами. Приведены примеры священных предписаний для женщин-рожениц, укоренившиеся в традиционных обычаях. Исследование ориентировано с позиции традиционной мансийской специфики в его культурной и языковой репрезентации. Впервые акцентируется внимание на материнство как особый социокультурный институт традиционного общества.

Результаты исследования могут быть использованы студентами ВУЗов, исследователями, аспирантами и магистрантами, изучающими культуру обско-угорских народов.

Ключевые слова: манси, мать, родительница, мифология, религиозные представления, метафорические модели, синонимические ряды, мать-женщина-первопредок, родственная терминология.

Благодарности: выражаю благодарность моим информантам и рецензентам.

Для цитирования: Попова С. А. Понятие «мать» в мировоззрении и фольклоре северных манси // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. №. 2. С. 373–382.

The concept of the «mother» in the worldview and folklore of the Northern Mansi

S. A. Popova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
rusina-popova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction. The article discusses the features of the concept of the «mother» in the traditional worldview of the local (Upper Sosva) group of the Northern Mansi (basin of the Lyapin River and the Northern Sosva River). In Mansi culture, the personality of the mother is distinguished not so much by the variety of functions only (because it is limited by the main purpose of a woman as a giver of life), but by the conceptual diversity of parental, social

and social aspects. Representations about the mother belong to the intimate sphere of relations, that's why many topics relating to the theme of the «mother and motherhood» still remain taboo. This circumstance had an impact on the formation of the source base of the research.

Different aspects of the concept of the «mother», analyzed in language material, reveal the original (biological, reproductive), as well as social status of the woman-mother in Mansi society.

Objective: to reveal the multi-aspect of the concept of the «mother» in traditional culture of the Mansi from the perspective of cognitive anthropology and linguistics.

Research materials: the article uses materials on history, ethnography, folklore and linguistics of the Mansi, as well field materials of the author.

Results and novelty of the research. The study of the concept of the «mother» in traditional culture of the Mansi revealed a variety of properties and images related to the female reproductive sphere (motherhood); divine patrons (mythology, religious beliefs). The author noted interrelation of forms of social life with its cognitive and normative components. Examples of sacred prescriptions for women in childbirth, rooted in traditional customs, are given. The research is oriented from the position of traditional Mansi specificity in its cultural and linguistic representation. For the first time, attention is focused on motherhood as a special socio-cultural institution of traditional society.

The results of the research can be used by students of universities, researchers, graduate students and undergraduates studying the culture of the Ob-Ugric peoples.

Key words: Mansi, mother, parent, mythology, religious beliefs, metaphorical models woman, synonymic chain, mother-woman-ancestor, kinship terms.

Acknowledgments: I express my gratitude to the informants and reviewers.

For citation: Popova S. A. The concept of the «mother» in the worldview and folklore of the Northern Mansi // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2019; 9 (2): 373–382.

Введение

В настоящее время женская тема, как и гендерная проблематика в целом, находится в фокусе внимания как российских, так и зарубежных исследователей. В последние годы вышло немало работ, посвящённых мужскому/женскому пространству традиционной культуры, гендерным стереотипам поведения, социальной роли женщины и др. Тем не менее многие аспекты данной проблематики пока ещё недостаточно изучены, в том числе и на материалах коренных малочисленных народов Севера. Вместе с тем, как отмечает Е. Г. Фёдорова «изучение данного вопроса представляется важным по ряду причин, в том числе и для лучшего понимания особенностей культуры традиционного общества, <...>, а также в современности – для регулирования межличностных и межнациональных отношений» [16, 29].

Анализ научных работ показал, что вопрос, касающийся понятий «мать» и «материнство» в традиционной культуре манси, не изучен. Автором не выявлено ни одной работы, посвящённой данной теме. Вопросы, имеющие связь с положением мансийской женщины в семье, на примерах личных песен, нашли отражение в публикациях А. Каннисто [5; 18; 19], Б. Мункачи

[21]. И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев исследуя такой важный феномен традиционной культуры манси как святилища, обратили внимание на фигуры женских божеств мансийского пантеона и их функции. Так, например, богиня-мать *Торум-щань* (она же *Калтац-эква*), имела общемансийское значение, а *Суй-ур-эква* покровительствовала только женщинам. На культовом месте этой богини исследователями была обнаружена её фигурка, обернутая зелёной тканью. «Зелёная одежда божества, – отмечают И. Н. Гемуев и А. М. Сагалаев, – вероятно, подчёркивает его особый статус» [3, 61]. Впервые обратила внимание на множественность матерей, встречающих родившегося ребёнка Е. И. Ромбандеева. В 1958 г. ею был записан родильный обряд у сыгвинских манси, (опубликован в Венгрии в 1963 г.), в котором нашли отражение функции «матери по пупку» (*пукнисянь*), «несущей матери» (*алтумсянь*, букв.: мать по несению), крёстная мать (*пёрнасянь*) [12, 95, 98, 99].

Нормативно-поведенческий комплекс мансийской женщины, основные периоды её жизненного пути в пространстве традиционной культуры, освещены в исследованиях С. А. Поповой [9; 7], Е. Г. Фёдоровой [15; 16]. Характеристика терминов родства и половозрастной

терминологии женщины представлена в работах С. А. Поповой [11; 10], В. И. Сподиной [14]. Однако, в перечисленных публикациях, не нашла освещения многоаспектность понятия «мать», как и не была поставлена проблема исследования его концептуальной наполненности. С. А. Попова, исследуя обряды перехода в традиционной культуре манси, рассматривает «Вороний праздник» *Уринэква хотал* «не только как начало годового календарного цикла (начало года, апрель), но и с точки зрения его сакральности как *Сянь хотал* «день Матери» – «священный день просьб (поклонения) Матери». Автор высказывает предположение о том, что «его основу составляют магические действия, связанные с религиозными представлениями о первопредке или прародительнице – Матери *Сянь*» [8, 149].

Как видим, тема матери в традиционной культуре манси выявила трудности с формированием источниковой базы. М. Перро справедливо обращает внимание на «скудность следов, оставленных женщинами» в памятниках прошлого, что как раз и «порождает проблему “источника”» [6, 35–36].

Материалы и методы

Материалом для нашей статьи послужили этнографические, лингвистические и фольклорные источники, в том числе собственные полевые материалы автора, собранные в результате экспедиционных поездок к северным манси с 1999 по 2016 годы. Данные эмпирических исследований включают методологические подходы, сформулированные представителями когнитивной лингвистики и социальной антропологии. Автор обращается и к материалам исследователей социальной антропологии [17; 20], придерживается историчности и системного анализа культурно-этнических процессов, а также к гендерной методологии, основу которой заложили историки США (Б. Андерсон, П. Бергер, Дж. Скотт и др.). Для нашего исследования большой интерес представляет схема анализа исторического материала сквозь призму гендерного подхода, предложенная Джоан Скотт. Она наметила четыре смысловых компонента гендерной методологии: культурно-символический, нормативно-интерпретационный, социально-институциональный и

индивидуально-психологический [22]. В своём исследовании мы указанных компонентов, что позволило интерпретировать формы репрезентации символических смыслов понятия «мать» и их трансформации в различных исторических контекстах.

Результаты

Рождение и воспитание детей традиционно считается естественным и главным назначением женщины. В силу такой предназначённости, определяющей выступает её репродуктивная функция, с которой связаны основные этапы жизни женщины и её социальный статус. Полноправной считается жена только после рождения первого ребёнка (*няврамын нэ* ‘ребёнка имеющая женщина’).

В мансийском языке словом *сянь* ‘мать’ именуется биологическая мать, послед (детское место); коробочка, в которой «хоронят» послед *сянь совт* ‘кузовок для матери’ или *сянь паюп* ‘короб для матери’; чрево роженицы – *сянькол* ‘матери дом (вместилище)’; женский детородный орган *пуннын сянь* ‘шерстистая мать’ (возможно, от *пуу* богатство [приносящая]). Не случайно, беременную женщину манси индифферентно называют *бсьхатнэ нэ* (букв.: вынашивающая [в себе] богатство женщина). Следует обратить внимание на сравнение женщины с *осиу (osiy)* ‘счастливый’, что в понимании информантов равно «богатству» [ПМА 3, К. Г. Алгадьева]. В период родов женщину называют *мульхотнэ нэ* ‘роженица’, в послеродовый период она *мульхотым блы* ‘освободившаяся’. В смысловом значении состояния роженицы и результата родов усматривается связь с традиционным занятием рыболовством (*мули* ‘косяк, стая’, *хоты* ‘откуда-то [появилось, прибыло]’) и представлениями, направленными на успех в промысле. В целом смысл заключается в следующем: «женщина, выносившая икринку/ребёнка, приносит/роняет в косяк/коллектив нечто, что даёт счастье = богатство. В охотничьей среде воззрения на появление детей такие же, ребёнок рассматривается не что иное, как добыча: *няврам катын паттыс* ‘ребёнок в руки упал’ (ср. *уй катын паттыс* ‘зверь (добыча) упала в руки’).

В целом перечисленный синонимический ряд отражает сущность матери – дающая

жизнь, родительница. В мифах манси есть сведения, где предпринималась попытка сотворения человека без участия женщины, но ничего из этой затеи не получилось. Например, *Нуми Тõрум* 'Верховный бог' позвал *Танал Ойк*'у 'Той Стороны мужчина' и приказал ему сотворить людей. *Танал Ойка* вырубил из дерева лиственницы семь человеческих фигур, но, как только *Нуми Тõрум* дунул на них, все убежали в лес и стали лесными существами (великаны *менкв'ы*). Тогда *Нуми Тõрум* сам слепил человеческие фигурки (на это у него ушло несколько попыток) из прутьев тальника и глины (в других из прутьев берёзы и глины), но ожили они благодаря тому, что богиня *Калтась* вдохнула в них *лылы* 'души', которые отдал ей отец *Корс Тõрум* 'бог Корс' (данный союз как бы уравнивает участие мужчины и женщины в акте появления новой жизни). С тех пор она выступает в качестве богини рождения, особой задачей которой является давать «душу», жизнь детям. В мировоззрении верхне-сосьвинских манси с подобной функцией (подателя жизни) представляется дух-предок, главное женское божество *Сянь* 'Мать': «Сянь – дух, представляемый в виде старой, седой женщины, которая якобы владеет способностью продолжения рода человеческого и посылает людям детей» [12, 92]. Часть полномочий она разделяет со своей мифологической дочерью *Сянь Аги* 'Матери дочь', выступающей в роли охранителя женщин во время беременности, а также роже-ниц и детей в период родов.

В религии манси вера в духов настолько развита, что даже само рождение человека «связывается с самыми разнообразными силами, а участие в нём мужчины и женщины как бы исключается из всего сакрального комплекса верований и остаётся формальным условием» [13, 370]. Лексический материал также даёт тому подтверждение: *сянь* 'мать' – укороченное слово от *сисьянь/щищань* 'ребёнка мать', где *сисьянь/щищань* 'дитя, ребёнок' и *янь* 'мать', данное понятие гораздо глубже и более приближено к материнской сути. Но родительницей здесь выступает божество *Щищ Сорни* 'Щищ Золотая', букв. Золотая [богиня], нарекающая детей [1, 396].

Особенность воззрений манси с верховьев Северной Сосьвы проявляется в существовании своеобразной концептуальной направлен-

ности и наполняемости сущностного понятия «мать», которое нашло отражение в её различных статусах:

1) биологическом, как родительница – рожаящая (*сянь*), кормящая (*ома*);

2) общественном, как первопредок (от *акв, энк*);

3) социальном – «мать по пупку» (*пукни сянь*), «мать вносящая» (*алтум сянь*), «крёстная мать» (*перна сянь*).

Как биологическая мать (в значении родительница-рожающая, дающая жизнь) – она *сянь*, а биологическая мать с функцией родительница-кормящая (поддерживающая жизнь) – она *ома*. Это не значит, что родительница дающая жизнь не кормит своих детей, своеобразии представлений о матери, рожаящей и кормящей, зависит от региональных религиозных верований. В традиции северных манси существует локальная особенность в употреблении лексемы «мать» – *сянь* (так называют её в верховьях р. Северная Сосьва) и *ома* (так называют её в нижнем течении реки и частично по Ляпину). Данный факт информанты объясняют присутствием в верховьях духа-предка *Сянь* 'Мать' [ПМА 4: Г. К. Алгадьева, Е. К. Самбиндалова, Е. И. Адина]. На территории проживания манси, где нет её влияния, к биологической матери обращаются *ома* 'мать'. В этом слове заключается функция матери кормилицы, где *-о* является местоимённым корнем с указательным значением 'этот, тот', а *-ма* – словообразовательная морфема (суффикс) в значении «кормить, прокормиться».

В мифологии широко используется образ матери, где к семантическому полю «материнство» употребительны метафорические модели: природа-мать (*мã-вит*), мать-земля (*мã* 'земля') чаще всего в значении «кормилица». В этот же ряд можно отнести представления о *мãг* 'мёд', как символе изобилия, в мифологии манси имеется устойчивое выражение: «Накрыли стол с золотой едой, медовой едой, поели» и *мãгыл* 'грудь женская', живительный источник вскармливания грудных детей. Интересно, что словообразовательный суффикс *мã* имеется в словах *мãнь* 'маленький', *мãньлат* 'юный, молодой' и *матум* 'старый (о человеке)', т. е. в тех словах, что обозначают категорию людей, которые ещё не могут, или уже не могут сами себя прокормить.

В мировоззрении манси духи-предки (*нэй-отыр*) являются прошлыми родственниками, прародителями, в мифологии – культурными героями, законодателями, основателями обычаев и обрядов. Обычно законы предков объясняются мифами и не обсуждаются, потому что должны поступать именно так, поскольку считается, что *нэй-отырыт нес мән хольтув элмхōласхольт олсыт, ётыл элаль вәрвесыт* ‘в прошлом героини и богатыри жили, как и мы, лишь затем их сделали [духами]’. Например, верхнесосьвинские женщины, ещё в недавнем прошлом, сохраняли обычай, который как они считают, достался им от духа-предка *Сянь* ‘Мать’ – для облегчения родов разрывать родильное платье. Объясняется это тем, что в мифах, «первая мать» когда рожала «первого ребёнка-человека», чтобы облегчить его появление, разорвала своё родильное платье сверху донизу (спереди) превратив его в *тёрсахи*, букв. тканевая шуба (распашной халат). Согласно обычаю манси в период родов запрещается надевать или снимать платье через голову [8, 28, 84]. Ещё одно правило, которое также неукоснительно выполнялось – это в период родов покидать жилой дом, поскольку так поступила когда-то мифологическая роженица-первопредок (*аквэква*) и мансийские женщины, каждый раз, в период родов и регул, перебирались из жилого дома в специальную постройку *мәнь кол* ‘маленький дом’. В ритуальной практике, например, неукоснительно соблюдается наказ *Сянь* не держать её в доме: «С сегодняшнего дня люди появятся. Её [*Сянь Аги* ‘Матери дочь’] будут в доме держать, а меня нельзя. Я – *Сянь*» [2, 208–209]. Мы сами наблюдали на р. Лэпля хранение антропоморфной фигурки *Сянь* на чердаке, хотя это был священный дом (*яныг кол*). В дом её вносили на время исполнения обряда в её честь и проведения медвежьего праздника [ПМА 1: В. В. Алгадьева]. Интересно, что в семье хранителей духа-предка *Сянь*, биологическую мать-родительницу не называют ни *сянь*, ни *ома*. Когда говорят о ней, то употребляют слово *тия*, а при обращении к ней, называют по имени.

Несмотря на то, что большинство подобных мифологических предписаний информанты исполняют, но объяснить уже не могут, мотивируя тем, что делать так, а не иначе, завещали

наши предки и так поступали наши родители. В прошлом верхнесосьвинские манси, в соответствии с религиозными представлениями о мифологической матери, в ипостаси перелётной птицы, символизирующей рождение и материнство, ежегодно, весной отмечали многодневный праздник «День [прилёта] ворон» (*Уринэква хōтал*). Один из праздничных дней обозначен как *Сянь хōтал* ‘Матери день’. Сакральность этого дня подчёркивает его семантическая направленность: *Пойксян Сянь хōтал* ‘День просьб/молитв Матери’ и *Пойксян ялпын Сянь хōтал* ‘Святой День просьб/молитв Матери’ [9, 29]. В настоящее время праздник «Вороний День» имеет статус окружного и проводится также ежегодно, но с нововведениями.

В мансийском языке существует обращение к семейной, многодетной женщине: «*сянкв тагыл маглун омам* ‘[с] полной молока грудью моя мать’». Грудное молоко, как продукт питания младенца, так же, как и водные потоки Великого Потопа в мифологии, соотносится со «священным молоком» (*ялпын сякв*) и чаще всего табуируется. Например, *холтал шуц виткве* ‘нескончаемая молочная водичка’, где *шуц* табу для молочной воды [1, 450]. *Шуцкве* так ласково называют ребёнка, который долго сосал материнскую грудь.

Высокий статус имеет мать-женщина и в области общественных отношений. В родственной терминологии верхнесосьвинских манси язык сохранил архетипичные формы слова «мать» – *аюкв*, *эюкв*, в которых отражены древние представления о матери и основополагающее значение материнского начала в жизни человека и общества. Лексема *аюкв* выявляется, например, в таких словах, как *аюквыг* ‘брат (по матери)’ или ‘сыновья [материнных] дочерей’ (от *аюкв* ‘мать’ и *пыг* ‘сын, парень, юноша’). Слово *каюк* номинируется как «старший брат», хотя в буквальном переводе может означать «перворождённый сын матери». *Аюквәги* ‘дочери [материнных] дочерей’, *эюк* [матери] дочери для её сестёр, сёстры мужа или золовки.

Как было отмечено выше, слово *сянь* является укороченным вариантом от *сисянь/щищань*. Первая его часть *сись/щищ* означает дитё/ребёнок, а вторая – *ань* ‘мать’, в значении «некая мать» (мать-богиня рожающая, мать-богиня нарекающая). Понятие «некая»

имеет расширительное значение, как «бывшая», «древняя», «праматерь». Например, для северных манси, особенно для верхнесосьвинской группы, было характерно в период Медвежьего праздника, символическое обращение к медведице, где корневой основой было название древней матери: *-āнь, -щицц*, которые в современном языке уже не используются: *уй āньщех, āканьщех, āньщех щиццкве*. Мансийские фамилии Анямов (*аня-м ъвыл*), Анемгуров (*аня-м ъвыл хури*) так же в своей основе имеют значение «мать» и переводятся как «[люди] материнского, начального [ъвыл первого рода]» (букв.: материнские, начальные, т.е. относятся к мансийским первородам). Их переводят почему-то как «красивые» и «похожие на красивых», или относят к ненецким родам.

Слово «мать» обнаруживается как архетип в слове *анѣква* «бабушка» (по материнской линии), от *ань* «мать» и *ѣква* «женщина», букв., мать женщины и поскольку она родная по материнской линии, то может означать и «мать [моей] матери». Термину *анѣква* «бабушка» невольно придаётся значение *аня* «красивая», когда обращаются к бабушке как к объекту почитания, любви, уважения и бескорыстной ласки. Не зря же слово «целоваться, поцеловать» (*анялахтукве*), в котором заложен смысл любви и ласки в отношениях образовано от слова *аня*. Если в семье *анѣква* (*аньѣква*) – это бабушка по материнской линии, *сасьѣква* (*асьѣква*) – бабушка по отцовской линии, то мифологическая бабушка общая – *аквѣква* «старшая, первая женщина». В мифологии ей во всём принадлежит пальма первенства – она же первая мать, первая социально активная женщина и первые семейные предписания выданы так же ею.

Синонимические ряды образуются как по прямому значению «мать», так и по переносному. Например, матерью называют огонь в домашнем очаге *Най сянь* «Огонь мать», в обращении к огню употребляются словосочетания: «милая мать», «семязыкая мать» и другие. В качестве примера можно рассмотреть также понятие – *аюквлууй*, от слов *аюкв* «мать» и *уй* «зверь», в наше время оно относится к ненормативной лексике, его изначальный смысл может интерпретироваться как «сильная, здоровая мать, способная приносить потомство». В русской речи его можно соотнести с выражением «матёрый/матёрая». Здесь уместно сравнение

с характеристикой мужчины зрелого возраста – *Хумыг уйыг* «мужчина, имеющий [силу] зверя», от слов *хум* «мужчина» и *уй* «зверь». Слово «зверь» усиливает значимость возраста – не слабый юноша, а сильный мужчина, что в русском языке имеет эквивалент в значении «матёрый, заматерелый». Сакральное название мужчин этого возраста: *вāныу-консыуыг*, что буквально означает «плечистый-когтистый» и символически соотносится с представлениями о *Консыу Ойк'е* «Когтистый мужчина», так манси иносказательно называют медведя. В мировоззрении манси медведь появился позже, сначала в представлениях и почитании манси (особенно верхнесосьвинских) был лось/лосиха, одно из табуированных названий лосихи – *аюкв* букв. взрослая самка, которая может приносить потомство. Слова *аюквыл уй* «мать-зверь», *нэ уй* «женщина-зверь» в прошлом выражали качество женщины-матери, её ценностные репродуктивные характеристики.

С понятием «мать» имеет связь некогда бытовавшее в языке манси слово *эюкв* «мать», которое исчезло из употребления в современном мансийском языке, но сохранилось в сакральной лексике, восходя к общей древней финно-угорской матери. В его основе заложена сущность матери и важность её положения в древнем мансийском социуме и ассоциируется с предком, прошлым, оставленным, утраченным. Например, *эюкваруп ут* «[некая] вещь, сделанная матерью», так называется любая памятная вещь. Она считается священной, поскольку оставлена в наследство от предков. Существует понятие *эюкварп мā*, в буквальном переводе «материнской деятельности земля». Информанты дают ему объяснение, как «священная земля наших предков», а выражение *эюкварп мāхманув* «материнский наш народ» – «давно, очень давно умершие наши родственники» [ПМА 2: Н. Е. Таратов]. Смысл понятия *эюкварп мā* может означать: «земля, где всем правила мать и наш народ, некогда живший на этой земле под началом (управлением) матери». В истории манси такой факт имеет место, древние коллективы праугров не только жили под управлением женщины-матери, но и мигрировали во главе с ней [4, 255]. Косвенное подтверждение тому даёт цикл мифологических текстов об объединениях под управлением женщин *Порнэ* и *Мосьнэ*.

Воспитание и забота о детях является важнейшей задачей не только матери и семьи, но и всей этнической общности, поэтому в традиции манси институт материнства имеет расширенные функции. Их можно охарактеризовать как общественный надзор или пригляд. Эти дополнительные функции осуществляют так называемые «социальные матери»: *пукни сянъ* ‘мать по пупку’; *алтум сянъ* ‘внёсшая [младенца] мать’; *перна сянъ* ‘крёстная мать’. После определённых действий в отношении ребёнка, они становятся близкими родственниками; породнённые семьи имеют взаимные обязанности и обеспечивают обоюдную поддержку.

Женщина-повитуха – «мать по пупку» (*пукни сянъ*) принимает роды, перерезает и завязывает пуповину, открепляет послед и как знак свершившегося перехода из эмбриона в состояние младенца, кровью от последа, делает новорождённому несколько мазков на обе щеки. Её одаривают подарком, в знак благодарности за благополучные роды отдают нож, которым она перерезала пуповину. В настоящее время всё меньше остаётся повитух, поскольку женщины рожают в больнице. Тем самым исчезает одна из функций социальной матери – быть «матерью по пупку».

Согласно обычаю, женщина на период родов уходила в отдельный маленький домик (*мань кол*), по окончании пребывания в нём возвращение матери и ребёнка в жилой дом ритуально обставлялось. Любая из женщин рода, независимо от возраста, принимала участие в обрядовых действиях выноса младенца из родильного домика и вноса его в жилой дом. Успешно завершив перенос, она становилась для ребёнка второй социальной матерью (*алтум сянъ*). Если родители крестили ребёнка, то у него появлялась ещё одна мать – крёстная (*перна сянъ*), она дарила ребёнку крестик (*перна*). Ребёнка могли и не крестить, тогда крёстная мать назначалась по обоюдной договорённости. В итоге каждый мансийский ребёнок имел, кроме биологической матери, ещё три социальные матери. Располагая такой защитой, дети никогда не были лишены материнской заботы и ласки. Если они, по несчастью, оставались без родителей, то входили в состав семьи одной из социальных матерей (в архивных документах они именуется приёмными, воспитанниками, вскормленниками).

Обсуждение и заключение

В статье, на основе исследования понятия «мать», воссоздаётся один из аспектов традиционной культуры локальной группы северных манси – институт материнства, как основополагающая сфера традиционной жизни народа. На большом этнографическом, фольклорном, лингвистическом материале выделены три концептуальных статуса понятия «мать»: биологический (*сянъ* ‘рожающая’, *ома* ‘кормящая’), общественный (первопредок), социальный (*пукни сянъ* «мать по пупку», *алтум сянъ* «мать вносящая», *перна сянъ* «крёстная мать»).

В номинации биологических разновидностей название «мать» присутствует общесистемное *сянъ* как «рожающая», «дающая жизнь», которое включает в себя и понятие «богатство/счастье». Другое слово-определитель понятия «мать» – *ома* с функцией «кормящая», обозначает поддержание жизни. Разница в названиях объясняется локальными особенностями употребления данных лексем: в верховьях р. Северная Сосьва мать-родительницу именуют *сянъ* (здесь место обитания духа-предка *Сянъ*), а в нижнем течении реки, где влияние духа-прародителя слабее, биологическую мать называют *ома*, подчёркивая словообразовательным суффиксом *-ма* («кормить», «прокормиться») её функцию по поддержанию жизни. В семье хранителей духа-предка *Сянъ*, в отношении биологической матери употребляют слово *титя*, а при обращении женщину окликают по имени.

О высоком общественном статусе свидетельствуют архетипичные формы слова «мать» – *анкв*, *энкв*, в которых нашли отражение древние представления о материнском начале в жизни человека и общества. В период проведения Медвежьего праздника, характерны были такие символические обращения к медведице, как *уй аньщех*, *аканьщех*, *аньщех щищкве*, которые в современном языке уже не используются. Обращает на себя внимание корневая основа *-ань*, *-щищ*, как название древней матери в значении «некая мать» (мать-богиня рожающая, мать-богиня нарекающая). В сакральной лексике манси по отношению к матери сохранилось слово *энкв* ‘мать’, восходящее к понятию общей древней финно-угорской матери. Тем самым подчёркивалась важность

её положения в древнем мансийском социуме и ассоциируется с предком, прошлым, чем-то оставленным, утерянными, забытым.

Функции «социальных матерей» отразились в их названиях: *пукни сян̄нь* ‘мать по пупку’; *алтум сян̄нь* ‘внёшая [младенца] мать’; *перна сян̄нь* ‘крёстная мать’. Они выполняли роль своеобразной социальной защиты ребёнка от жизненных невзгод. Как в традиции, так и в настоящее время, остаётся почётным быть одной из социальных матерей. Автор статьи, по просьбе родителей, также приходится для разных детей то *алтум сян̄нь* («несущая мать» из роддома в жилой дом), то *перна сян̄нь* (крёстная мать).

Как видим, важность положения матери в мансийском социуме определяет многообразие её номинаций, отражающих статус в первородстве, её ценностные репродуктивные характеристики в качестве женщины-матери. Специфическая направленность мифологического мышления на моменты интимной женской сферы (беременность, рождение, уход за детьми), породила представления о божествах-покровителях. Мифологические матери (богини-матери) выполняли одну важную функцию – покровительствовали семье, женщине-матери, которая олицетворяла собой миропорядок традиционного мансийского общества.

Список источников и литературы

1. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.
2. Гемуев И. Н., Бауло А.В. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. 240 с. (*сказка о Сян̄нь*)
3. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
4. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
5. Мансийские «Песни о судьбе» («Личные песни») (в записи Артура Каннисто, 1901–1906 гг.) / Авт.-сост. Т. Д. Слинкина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2013. 110 с.
6. Перро М. История под знаком гендера // Социальная история: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2003. С. 35–36.
7. Попова С. А. Нормативно-поведенческий комплекс мансийской женщины // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы науч.-практ. конф. XV Югорские чтения (Ханты-Мансийск, 20 декабря 2016). Тюмень: Формат, 2017. С. 161–172.
8. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
9. Попова С. А. Основные периоды жизненного пути мансийской женщины // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 125–134.
10. Попова С. А. Половозрастная терминология в представлениях и фольклоре северных манси // Сибирский сборник 2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 179–190.
11. Попова С. А. Термины родства манси в свете их духовной культуры // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (история, этнология). 2006. №1 (52). С. 126–129.
12. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом и Сев.-Сиб. рег. кн. изд-во, 1993. 208 с.
13. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
14. Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев (по материалам традиционной культуры и языка). Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 144 с.
15. Фёдорова Е. Г. Женская культура в традиционном обществе // Женщина в мире мужской культуры: путь к себе. Матер. междун. науч. конференции (Санкт-Петербург, 15–17 июля, 1999). СПб.: [б.и.], 1999. С. 43–45.
16. Фёдорова Е. Г. Об одном из аспектов женской культуры манси // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭРАН, 2004. Вып. 5. С. 29–40.
17. Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo (Чистота и опасность: анализ понятий загрязнения и табу). London; New York: Routledge, 1966. 193 p.
18. Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1963. B. VI. 385 s.
19. Materialienzur Mythologie der Wogulen. Gesammelt von Artturi Kannisto. Helsinki, 1958. 443 p.
20. Mauss M. La fonction sociale du sacre. Paris: Minuit, 1968. 700 p.

21. Munkacsi B. *Wogul nèpköltèsi gyűjtemény*. Budapest, 1896. K. IV. 440 lap.
22. Scott J. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis* // Scott J. *Gender and the Politics of History*. New York: Columbia University Press, 1999. pp. 28-51. (In English)

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Хулимсунт, Берёзовский р-н Тюменской обл., март 1999г. (Информант В. В. Алгадьева (Тасманова), 1940 г. р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Ломбовож, Берёзовский район, Тюменской обл., июль 2000 г. (Информант: Н. Е. Таратов, 1959 г. р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Хулимсунт, Берёзовский р-н Тюменской обл., декабрь 2008 г. (Информант Г. К. Алгадьева, 1943 г. р.).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в д. Хулимсунт, с. Няксимволь, д. Усть-Манья, Берёзовский р-н Тюменской обл., июнь 2016 г. (Информанты: Г. К. Алгадьева, 1943 г. р., Е. К. Самбиндалова, 1958 г. р., Е. И. Адина, 1966 г. р.).

References

1. *Geroicheskiy epos mansi (vogulov): Pesni svyatyh pokrovitelej* [Heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2010. 648 p. (In Russian)
2. Gemuev I. N., Baulo A. V. *Svyatilishcha mansi verhov'ev Severnoj Sos'vy* [The shrines of the Mansi in the upper reaches of the river of the Severnaya Sosva]. Novosibirsk: Izd-vo IAE SO RAN Publ., 1999. 240 p. (skazka o Syan' = tale about Syan). (In Russian)
3. Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people. Cult places (XIX – beginning XX century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 192 p. (In Russian)
4. *Istochniki po etnografii Zapadnoj Sibiri* [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1987. 284 p. (In Russian)
5. *Mansijskie «Pesni o sud'be» («Lichnye pesni») (V zapisi Artturi Kannisto, 1901–1906 gg.)* [The Mansi «Songs about destiny» («Personal songs») (In the record of Artturi Kannisto, 1901–1906)]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansijsk Publ., 2013. 110 p. (In Russian)
6. Perro M. *Istoriya pod znakom gendera* [History under the sign of gender]. *Social'naya istoriya: Ezhegodnik* [Social history: Yearbook]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. pp. 35–36. (In Russian)
7. Popova S. A. *Normativno-povedencheskiy kompleks mansijskoj zhenshchiny* [Normative and behavioral complex of the Mansi woman]. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii. Materialy nauch.-prakt. konf. XV Yugorskie chteniya* [Indigenous ethnic groups of the North, Siberia and Far East: traditions and innovations. Materials of the scientific and practical conference the XV Yugra Readings (Khanty-Mansiysk, December 20, 2016)]. Tyumen: Format Publ., 2017. pp. 161–172. (In Russian)
8. Popova S. A. *Obyady perekhoda v tradicionnoj kul'ture mansi* [The rites of transition in the traditional culture of the Mansi]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 180 p. (In Russian)
9. Popova S. A. *Osnovnye periody zhiznennogo puti mansijskoj zhenshchiny* [Main periods of life of the Mansi woman]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 125–134. (In Russian)
10. Popova S. A. *Polovozrastnaya terminologiya v predstavleniyah i fol'klоре severnyh mansi* [Gender and age terminology in representations and folklore of the Northern Mansi]. *Sibirskij sbornik 2. K yubileyu Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Siberian collection 2. To the anniversary of Evgenia Alekseevna Alekseenko]. Saint-Petersburg: MAEH RAN Publ., 2010. pp. 179–190. (In Russian)
11. Popova S. A. *Terminy rodstva mansi v svete ih duhovnoj kul'tury* [Terms of relationship of the Mansi in the spiritual culture]. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarnye nauki (istoriya, ehtnologiya)*. [Bulletin of the TSPU. Series: Humanities (history, ethnology)], 2006, no. 1, pp. 126–129. (In Russian)
12. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi people (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and rites)]. Surgut: Severnyj dom, Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izd-vo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
13. Sokolova Z. P. *Hanty i mansi: vzglyad iz XXI v.* [The Khanty and Mansi: A view from the XXI century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 756 p. (In Russian)
14. Spodina V. I. *Nomenklatura rodstva kak universal'nyj sociokul'turnyj fenomen obskih ugrov i samodijcev (po materialam tradicionnoj kul'tury i yazyka)* [Nomenclature of kinship as universal socio-cultural phenomenon

of the Ob-Ugrians and Samoyeds (on the materials of traditional culture and language)]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. 144 p. (In Russian)

15. Fyodorova E. G. *Zhenskaya kultura v tradicionnom obshchestve* [Woman culture in traditional society]. *Zhenshchina v mire muzhskoj kul'tury: put' k sebe. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 15–17 iyulya, 1999)* [A woman in the world of man's culture: the way to yourself. Materials of the international scientific conference (Saint-Petersburg, July 15–17, 1999)]. Saint-Petersburg: [w/p], 1999, pp. 38–39. (In Russian)

16. Fyodorova E. G. *Ob odnom iz aspektov zhenskoj kul'tury mansi* [About one of the aspects of woman culture of the Mansi]. *Materialy polevyh ehntograficheskikh issledovanij* [Materials of field ethnographic researches]. Saint-Petersburg: MAEH RAN Publ., 2004. Vol. 5. pp. 29–40. (In Russian)

17. Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London; New York: Routledge, 1966. 193 p. (In English)

18. Kannisto A. *Wogulische Volksdichtung*. Helsinki: [w/p], 1963. B. VI. 385 p. (In German)

19. *Materialienz ur Mythologie der Wogulen*. Gesammelt von Artturi Kannisto. Helsinki: [w/p], 1958. 443 p. (In German)

20. Mauss M. *La fonction sociale du sacre*. Paris: Minuit, 1968. 700 p. (In French)

21. Munkacsi B. *Wogul nèpköltèsi gyűjtemény*. Budapest: [w/p], 1896. K. IV. 440 p. (In Hungarian)

22. Scott J. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis*. Scott J. Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999. pp. 28–51. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v d. Hulimsunt, Beryozovskij r-n, Tyumenskoj obl.; mart 1999 g. (Informanty: V. V. Algadyeva, 1940 g. r.)* [Expedition to Khulimsunt settlement, Beryozovsky District, Tyumen Oblast; March, 1999 (Informant: V. V. Algadyeva, 1940 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v d. Lombovozh, Beryozovskij r-n, Tyumenskoj obl.; iyul' 2000 g. (Informant: N. E. Taratov, 1959 g. r.)* [Expedition to Lombovozh settlement, Beryozovsky District, Tyumen Oblast; July, 2000 (Informant: N. E. Taratov, 1959 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v d. Hulimsunt, Beryozovskij r-n, Tyumenskoj obl.; dekabr' 2008 g. (Informant: G. K. Algadyeva, 1943 g. r.)* [Expedition to Khulimsunt settlement, Beryozovsky District, Tyumen Oblast; December, 2008 (Informant: G. K. Algadyeva, 1943 year of birth)].

Field materials of the author 4 – *Ekspediciya v d. Hulimsunt, Beryozovskij r-n, Tyumenskoj obl.; iyun' 2016 g. (Informanty: G. K. Algadyeva, 1943 g. r., E. K. Sambindalova, 1958 g. r., E. I. Adina, 1966 g. r.)* [Expedition to Khulimsunt settlement, Beryozovsky District, Tyumen Oblast; June, 2016 (Informants: G. K. Algadyeva, 1943 year of birth; E. K. Sambindalova, 1958 year of birth; E. I. Adina 1966 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Попова Светлана Алексеевна, ведущий научный сотрудник отдела Истории и этнологии, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14А), кандидат исторических наук.

Rusina-popova@jandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0675-2743

ABOUT THE AUTHOR:

Popova Svetlana Alekseevna, Leading Researcher, of Department of History and Ethnology Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

Rusina-popova@jandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0675-2743